

Вальтер Брой (Констанц)

**ЯЗЫКОВОЙ КОНТАКТ
КАК ПРИЧИНА ПЕРЕСТРОЙКИ
КАТЕГОРИЙ РОДА И СКЛОНЕНИЯ
В МОЛИЗСКО-СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ**

In this paper, we give an overview of the role of language contact in restructuring the categories of gender and inflection class of the noun in the Molise-Slavic minority language, spoken in three villages in Southern Italy. Due to the immigration of the ancestors of today's Molise Slavs from the Dalmatian hinterland (Herzegovina) in the 16th century, Molise Slavic is "genetically" related to Bosnian-Croatian-Serbian, and Standard Croatian can serve as a point of comparison for the diachronic changes in question. Two basic changes can be observed, i. e. the loss of the neuter and the disappearance of the ancient feminine inflectional class in **i*. While the first development was induced by the lack of a neuter in Italian, the loss of the class in **i* language-internally allowed for a strict gender-inflection paradigm. Nevertheless, language contact has had a role in the latter case, too, as results from the redistribution of the nouns in question to the masculine or feminine gender strictly depending on the gender of the corresponding Italian nouns. On the other hand, the gender of loanwords partially depends on language-internal criteria, with certain differences in the three Molise-Slavic dialects. Specific details, like the survival of the Molise-Slavic neuter as an impersonal gender (in verbs, adverbs and adjectives), can be explained by considering data from Italian dialects.

1. Введение

Молизско-славянский язык (МСЯ), находящийся со времени иммиграционных процессов в XV–XVI веках под романским диалектальным влиянием и уже более ста лет под влиянием итальянского литературного языка, является средством общения славянского меньшинства в провинции Кампобассо (Campobasso) итальянского региона Молизе (Molise). Территория распространения МСЯ охватывает три населен-

ных пункта: Аквавива Коллекроче (по-итал. Acquaviva Collecroce, помоллизско-славянски *Kruč*), Монтемитро (Montemitro, *Mundimitar*) и Сан Феличе (San Felice del Molise, *Filič*). Этот славянский языковой остров в нижнем Молизе, недалеко от Адриатического моря, заселили люди из Герцеговины, т. е. из внутренней части Далмации. Общие корни МСЯ с современным штокавско-икавским наречием сербохорватского (боснийско-сербско-хорватского) диалектного континуума и на данный момент еще очень хорошо различимы; ср., напр., *što* 'что' (в сравнении с *kaj* или *ča* в других наречиях) и *dvi* 'две' (но *dvije* в хорватском стандартном языке и в иекавских говорах, а *dve* в сербском и в экавских говорах). Вследствие состоявшегося на протяжении столетий языкового контакта в лексике и грамматических структурах МСЯ укоренились и доминантные романские черты. Более того, для используемого в основном только в устной речи ¹ МСЯ итальянский является на сегодняшний день единственным главенствующим стандартным языком, в то время как генетически наиболее близкий хорватский литературный язык не играет в повседневной жизни славянских молизан никакой роли.

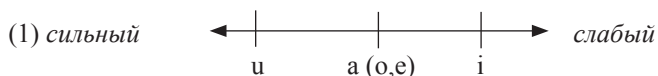
В данной статье большинство исследовательских данных взято из говора главного моллизско-славянского центра – Аквавивы Коллекроче (АК), примеры из говора села Монтемитро (ММ), где МСЯ также активно используется, отмечены отдельно.² Так как в деревне

¹ Весьма незначительное число моллизских славян умеет писать и читать на своем родном языке. Несмотря на это, в печати в 2008 году появилось первое литературное произведение на «чистом» говоре Аквавивы, собрание стихов, ограниченных, с точки зрения всех лингвистических уровней, исключительно повседневной речью, а именно *Štice... do srca* 'Капли... сердца' автора *Nicola Gliosca*. За исключением редких оригинальных текстов в местных журналах и антологиях, письменные произведения, также краткие и немногочисленные, сочинялись в прошлом, как правило, интеллектуалами, владеющими, по крайней мере немного, хорватским языком и поэтому употребляющими в письменной речи также и хорватские слова и конструкции, непонятные обычным людям. Наиболее явным примером такого смешанного «литературного» языка является Притча о блудном сыне первого местного поэта *De Rubertis*, перепечатанная Решетаром [Rešetar, 1911: 298–299]. В последние годы были выданы, впрочем, и первые официальные документы на моллизско-славянском языке, напр., свидетельства о рождении, но всегда вместе с итальянским оригиналом. В 2009 году был напечатан перевод на моллизско-славянский говор Аквавивы книги А. де Сент-Экзюпери 'Маленький принц'; см. [Breu, Gliosca, 2009].

² Настоящая статья основывается в своих главных чертах на описании системы рода МСЯ в статье [Breu, 2004], но учитывает результаты новейших исследований. Об общей лингвистической и внелингвистической ситуации моллизских славян см. [Breu, 1997] и приведенную там литературу; о сжатом обзоре по результатам языкового контакта МСЯ в области грамматики см. [Breu, 1998]. Использованные данные

Сан Феличе (СФ) младшее поколение практически больше не говорит по-славянски, примеры из говора этой деревни приводятся в последующем только в виде исключения.

С фонетической точки зрения, особую важность для нижеследующего исследования представляют специфические для говоров АК и СФ фонологические процессы конца слова. Речь здесь идет, с одной стороны, о «молизско-славянском аканье», т. е. о широко распространенном совпадении исторически кратких *-e* и *-o* в безударном слоге с *-a*, а с другой стороны, о переходе всех конечных кратких гласных в изолированных словах и на конце фонологических фраз в глухие шепотные гласные, склонные к выпадению с различной частотой согласнo следующей шкале устойчивости:

Это значит, что *-i* выпадает всегда, *-u* почти всегда сохраняется, а частота выпадения остальных гласных колеблется между двумя крайностями [Вгеu, 1999].

В говоре Монтемитро все исторически краткие гласные остаются неизменными, выпадает только *-i*. Даже в Аквавиве есть немногочисленные говорящие, прежде всего из старого поколения, которые применяют аканье непоследовательно, употребляя иногда консервативные формы с *o* или *e* на конце слова. С другой стороны, в говоре Сан-Феличе даже *-i* может сохраниться, например, во множественном числе причастия на *-l* или в дательном падеже существительных женского рода.

Поскольку представленное исследование носит морфосинтаксический характер, информация о долготе гласных и ударении в нижеследующих примерах, в общем, не приводится. Но из-за ее важной роли для склонения, учитывается оппозиция полных и редуцированных (шепотных) гласных в окончаниях.

были получены непосредственно на территории МСЯ в рамках проектов B2 и A15 программы «*Variation und Entwicklung im Lexikon*» (SFB 471) университета г. Констанц при финансовой поддержке Немецкого исследовательского общества (DFG, Sonderforschungsbereich 471).

2. Общие рассуждения о категории рода

2.1. Род как категория-классификатор

В отличие от категорий числа и падежа род как лексически классифицирующая категория остается неизменным во всей парадигме данного слова. У класса одушевленных существительных наблюдается определенная связь рода с семантической категорией половой принадлежности (мужской род = мужской пол и т. д.), представляющая собой, однако, только тенденцию. За пределами этой области распределение рода в славянских и других индоевропейских языках у непроемных существительных достаточно свободно, несмотря на то что в отдельных случаях существует формальная связь между родом и суффиксом. Из трех традиционных родов только мужской (м.) и женский (ж.) имеют референтную внеграмматическую основу. Средний род (ср.) при этом представляет собой граммему, наименее связанную с лексико-семантическим значением, и является, таким образом, наиболее слабым звеном категории рода, что находит свое отражение, к примеру, в его постепенном исчезновении в большинстве романских языков. В славянских языках средний род в целом хорошо сохранился. За исключением болгарского и македонского, славянские языки располагают, кроме того, дополнительными, более новыми граммемами рода, ограничивающимися опять-таки областью живых существ: родом одушевленности (*genus animale*) – для обозначения людей и животных, и родом вирильности (*genus virile*) – для обозначения лиц мужского пола, характерным для польского, верхнелужицкого³ и словацкого языков. Во мн. числе наблюдается тенденция к нейтрализации более старых родовых граммем, в то время как более новые граммемы только недавно распространились на эту область или, наоборот, здесь и возникли [Brec, 1988].

В отличие от имен существительных род других склоняемых частей речи, в особенности имен прилагательных и местоимений, изменяется во всеобщей парадигме данного слова.

---

³ Вирильный род присутствует только в верхнелужицком литературном языке, в то время как сегодняшний верхнелужицкий разговорный язык обладает родом личности (*genus personale* или *humanum*); см. [Scholze, 2008: 111–117]. Под влиянием верхнелужицкого литературного языка вирильный род встречается, впрочем, также и в нижнелужицком литературном языке, по крайней мере, у некоторых авторов [Janaš, 1984: 74].

2.2. Род как морфологическая и как синтаксическая категория

При описании флектирующих языков род имен существительных иногда рассматривается как морфологическая категория, т. е. определенному типу склонения приписывается определенный род, обозначая, например, склонение на *-a* как «женское склонение», несмотря на то что оно содержит также существительные мужского рода. Но, принимая во внимание разнообразные несоответствия, представляется целесообразным четко различать между «склонением» (чисто морфологическим явлением) и «родом». Это не исключает возможности того, что некоторые грамматические рода имеют морфологические особенности и, по крайней мере, в славянских литературных языках намечается некая тенденция к связи рода существительных с классом склонения. Речь здесь идет о женском склонении на *-a* и мужском склонении на согласный в им. падеже ед. числа. Но о «родовой флексии» мы могли бы здесь говорить только в том случае, если бы в этих склонениях не было бы исключений (вследствие исчезновения ж. склонения основ на **i* и м. склонения основ на **a/ja*).

Итак, в последующем грамматический род существительных будет рассматриваться не как морфологическая, а как синтаксическая категория, что предполагает, что его грамемы основываются на оппозициях, исходящих из согласования. При этом имена существительные представляют собой «источник согласования», с которым другие части речи должны согласовываться. Род имени существительного синтаксически определяется из совокупности случаев согласования, которые оно обуславливает. С этой точки зрения род совпадает с «классом согласования».⁴ В первую очередь надо различать между атрибутивным, предикативным, относительным и анафорическим согласованиями, характерными для различных частей речи, главным образом, для имени прилагательного, а также для местоимений, числительных, ар-

⁴ О проблематике классов согласования (*agreement classes*), см. [Corbett, 1991: 147–150, 161–188]. Если неуклонно следовать принципу отождествления рода и класса согласования, то в русском языке следует различать минимум семь родов, или же принять существование подродов; см. там же и [Зализняк, 1964]. По причине скорее периферийной роли одушевленности и – в отличие от русского языка – почти во всех случаях возможного определения рода у *pluralia tantum* в МСЯ (см. ниже), вопрос о дополнительных родах снимается сам по себе.

тиклей и глаголов (в причастных формах, включая формы прошедшего на *-l*). В МСЯ есть все перечисленные случаи согласования.⁵

МСЯ располагает только существительными мужского и женского родов, существительных среднего рода нет. Роль грамматической одушевленности (форма вин. падежа = форме род. ед. числа) также сильно ограничена, так как она носит только факультативный характер и встречается, кроме того, практически только при обозначении лиц [Врец, 1995: 89].

2.3. Роль среднего рода в МСЯ

Интересным является тот факт, что средний род в МСЯ еще продолжает существовать за пределами области имен существительных.⁶ Это проявляется уже морфологически, а именно в наличии третьего, дополнительного к женскому и мужскому родам, ряда форм у местоимений, прилагательных, глаголов и у неопределенного артикля, выступающих в функции согласовательных форм (целей согласования) среднего рода. Кроме того, в качестве источников согласования выступают местоимения среднего рода и субстантивированные прилагательные и наречия.

Указательные местоимения среднего рода *ovo* 'это', *to* 'это/то', *ono* 'то' образуют родовую оппозицию с соответствующими местоимениями мужского и женского родов *ovi*, *ta*, *oni* и *ova*, *ta*, *ona*. Эти местоимения среднего рода используются как самостоятельно (именное использование), так и атрибутивно (в синтаксической зависимости от субстантивированных прилагательных). Полное (не шепотное) окончание *-o* исторически восходит к долготному **-ō*, которое не подвергается молизско-славянскому аканью.

Все прилагательные, образованные с помощью окончания *-o* (< **-ō*, исторически это соответствует «детерминированной полной форме»),

⁵ То же свойственно и всем славянским и романским языкам, в особенности также и близкородственному хорватскому и контактному итальянскому языкам. На этой основе все эти языки могут быть охарактеризованы как языки «высокочувствительные к роду». Тем самым они составляют абсолютную противоположность к слабочувствительному к роду английскому, где род выражается только анафорическим согласованием (посредством личных местоимений). Другие языки занимают серединную позицию. О иерархии типов согласования (*agreement hierarchy*) и основанной на нем классификации различных языков см. [Corbett, 1991: 225–241].

⁶ В последующем мы представим только краткий обзор функций среднего рода за пределами области имен существительных в МСЯ. О более подробном описании см. [Врец, 2003: 59–67].

способны образовывать абстрактные существительные среднего рода. Их детерминанты также обязательно среднего рода. Доминирующие в этой функции указательные местоимения выступают при этом также и в качестве дейктически специфицированных определенных артиклей, например, *ovo dobro* ‘это доброе’, *to dobro, ono dobro* ‘то доброе’ и т. д.⁷

Склонение ед. числа среднего рода⁸ пояснено на примерах в таблице 1 (с обозначением современной оппозиции долготы гласных). Наряду с указательными местоимениями и прилагательными с ударением на основе (*dobro*) или на окончании⁹ (*friško*) здесь также учитываются местоимения *što* ‘что’ и *koho* ‘которое’, причисляемые к среднему роду на основе их согласовательных качеств. Парадигмы являются частично дефектными, показывая, кроме того, в твор. падеже окончания женского рода. Форм множественного числа нет совсем. Шепотные гласные здесь и в последующем обозначаются подставленной снизу точкой.

Супплетивные формы женского рода объясняются проведением параллели между местоимениями среднего рода и прилагательными с именными выражениями, содержащими существительное женского рода *stvarā* ‘вещь’ (итал. *cosa*), приводимое информантами для объяснения конструкций типа *ono dobro* ‘то доброе’ = *ona dobra stvarā* ‘та добрая вещь’.

Краткая форма прилагательного, заканчивающаяся на исторически краткий гласный, в МСЯ в большинстве своем используется только предикативно. В среднем роде она согласуется с субъектом среднего рода (местоимением или субстантивированным прилагательным). По причине молизско-славянского аканья она имеет такую же звуко-

⁷ С точки зрения дейксиса, наименее маркированной формой является *ono*, используемой, вероятно, по этой причине чаще всего в функции дейктически неспецифицированного артикля. Субстантивированные прилагательные представляют собой единственный разряд слов, которые в МСЯ проявляют нечто подобное определенному артиклю. У (исконных) существительных определенность выражается не с помощью артикля, а путем отсутствия неопределенного артикля [Брой, 2008: 82–83].

⁸ О парадигмах прилагательных и указательных местоимений мужского и женского родов см. [Brec, Piccoli, 2000: 402–407].

⁹ Точнее говоря, речь здесь идет не о простом ударении на окончании, а о двойном ударении на обоих последних слогах, которое исторически соответствует восходящему ударению на предпоследнем слоге в сербохорватском [Brec, Piccoli, 2000: 388–389].

вую форму, как и краткая форма женского рода (но *-o* в ММ и у консервативных представителей говора АК). Такое же окончание имеют и причастия среднего рода на *-l* в перфекте глаголов, например, *je bila* (ММ *je bilo*) ‘было’.

Табл. 1. Склонение субстантивированных прилагательных и местоимений среднего рода

	‘(то) доброе’	‘(то) свежее’	‘то/ это’	‘что?’	‘какой’
И.	<i>ono dobro</i>	<i>ono friško</i>	<i>to</i>	<i>što</i>	<i>kojo</i>
Р.	<i>do (o)no dobro</i>	<i>do (o)no friško</i>	<i>do to</i>	<i>do što</i>	<i>do kojo</i>
Д.	–	–	–	<i>koju stvaru</i>	–
В.	<i>ono dobro</i>	<i>ono friško</i>	<i>to</i>	<i>što</i>	<i>kojo</i>
Т.	<i>onōm dobrom*</i>	<i>onōm friškōm</i>	<i>tōm</i>	<i>kojōm stvarōm ~ kime</i>	<i>kojōm</i>
Краткая форма	<i>dōbra</i>	<i>friška</i>	–	–	–

* Прилагательные в творительном падеже встречаются и в своей основной форме, т. е. *onōm lipo*. Это может быть связано с проявляющейся в МСЯ тенденцией к ограничению окончания у второго члена именного выражения, как например, у занимающих (вследствие языкового контакта) постпозицию атрибутивных прилагательных (м. и ж.), хотя в этом случае чаще всего употребляется форма родительного падежа, например, *ženōm dobre* ‘доброй женщиной (Т.)’ вместо *ženōm dobrom*.

В качестве субстантивированных форм среднего рода могут выступать также наречия, например, *ono prije* ‘(то) раннее’, *ono doveče* ‘(то) дополнительное’. Чаще всего в этом случае используется *ono mala* (ММ *ono malo*) ‘(то) немногое’ с его уменьшительными формами, типа *ono malica* (ММ *ono malico*) ‘(то) немножечко’. В некоторых случаях эти субстантивированные наречия склоняются как прилагательные, например, *s ovom malom* ‘с этим немногим’.

Наряду с вышеназванными частями речи и субстантивациями в МСЯ имеется также числительное среднего рода *na ~ jena* ‘одно’, конечный звук которого снова объясняется аканьем; в Монтемитро (а

также в консервативном варианте АК) оно звучит *no ~ jeno*. Омонимом является неопределенный артикль среднего рода, например, *na mala* (ММ *no malo*) ‘немного’.¹⁰

Субстантивированные прилагательные и наречия, со своей стороны, редко специфицируются атрибутами среднего рода. Но есть все-таки такие примеры, как *ono lipa mala* = итал. *quel bel po* ‘(то) значительное немногое’ (= довольно много). Атрибут здесь представлен в краткой форме, используемой обычно только предикативно. Пример (2) с тем же самым субстантивированным наречием содержит в качестве атрибута неопределенное местоимение *kojo*, из которого, впрочем, видно также и согласование в среднем роде причастия на *-l*, здесь в плюсквамперфекте¹¹:

(2) *Je bi mi ostala još kojo mala srca dobroga.*

‘Ему оставалось еще кое-что немного (от) доброго сердца.’

Как было сказано выше, субстантивированные существительные среднего рода имеют обычно абстрактные значения. Однако очень редко среди них встречаются также и обозначения конкретных предметов, такие как *crnjelo do jaja(ta)* ‘яичный желток’, буквально «красное от яйца». Конкретное значение здесь – производное из абстрактной субстантивации; в этом случае есть даже мн. число *crnjele do jaji* («красные от яиц») И./В., *crnjeli do jaji* Р./Д./Т.

Одна из самых важных сфер употребления молизско-славянского среднего рода – бессубъектные предложения. Можно выделить несколько типов, характеризующихся отсутствием грамматического субъекта и формой глагола в среднем роде (различимой только в перфекте). Используемые формы среднего рода могут относиться к бессубъектным глаголам как таковым (собственно безличным глаголам) или к глаголам, которые за пределами своего безличного употребления встречаются также с субъектом.

В (3а) представлены конструкции с таким только второстепенно безличным глаголом *zabolit* в среднем роде. Наряду с ними здесь также приводится синонимическая личная конструкция с субъектом и с соответствующим согласованием в женском или мужском роде:

¹⁰ О формах и использовании полностью грамматикализированного неопределенного артикля в МСЯ, являющегося отличительной особенностью МСЯ и верхнелужицкого разговорного языка среди других славянских языков, см. [Брой, 2008: 77–82].

¹¹ Плюсквамперфект образуется с помощью неизменной частицы *bi*, добавленной к перфекту [Вреу, 2009: 87–89].

- (3а) *Je mi zabolilā* (ср.) *na glavū / na štomik*.
 ‘У меня заболело в голове / желудке’
 = *Je mi zabolilā* (ж.) *glavā* (ж.) / *zabolijā* (м.) *štomik* (м.).
 ‘У меня заболела голова / заболел желудок’.

Собственно безличными глаголами, употребляющимися в МСЯ всегда в среднем роде, являются, например, глаголы, обозначающие погодные условия или явления природы, как в (3б) и (3в):

- (3б) *Je zvedrilā / daždilā / melā*.
 ‘Прояснилось / шел дождь / падал снег’.
- (3в) *Je sa šmrklā / je zlamalā*.
 ‘Стало темно (наступила ночь)’ / ‘Сошел оползень’.

Такие же предикации могут быть образованы и от личных глаголов, которые, так сказать, входят в безличную диатезу, выраженную, в свою очередь, средним родом. Так, в (3г) глагол *rivat* ‘прибыть’ в бес-субъектной конструкции используется для указания времени:

- (3г) *Je bi rivalā okla Sti Mikel*.
 ‘(Теперь) было около Св. Михаила’ (= 29 сентября).
 Букв. «Прибыло (плюсквамперфект ср. рода) около Св. Михаила».

3. Род, падеж и тип склонения

Несмотря на тесный контакт МСЯ с беспадажными романскими языками, категория падежа в нем сохранилась. Исчез только местный падеж, который в большинстве случаев совпал с вин. падежом, соответственно с функциями этого падежа в итальянском языке, где он одновременно выражает «место» и «направление».¹² Кроме того, по срав-

¹² Утрата исконного местного падежа – сложный вопрос. С одной стороны, действительно нет разницы между выражением «направления» и «места» действия, и также нет никаких предлогов, управляющих только местным падежом. Но форма старого местного сохранилась во фразеологических словосочетаниях с предлогами *u* ‘в’ и *na* ‘на’ у некоторых существительных мужского рода, как напр., *na-putu* ‘по пути’, опять-таки без различения места и направления. Кроме того, в Монтемитро у существительных женского рода есть особая новая форма склонения на *-o*, опять с этими предлогами и опять только во фразеологических оборотах с определенными существительными, в том числе в некоторых случаях с существительными определенного значения, напр., ММ *na-miso* ‘на богослужение / -и’: *na misu* ‘в церковь / в церкви’ (вин. пад.). В говорах АК и СФ таких форм нет. В этой связи интересна и разница между отдельными говорами в адвербиальном обозначении самого языка: АК, СФ *govorat na-našu* ≠ ММ *govorat na-našo* ‘говорить по-моллизско-славянски’ (= «говорить по-нашему»). О деталях нового фразеологического «предложного» падежа в МСЯ и возможном объяснении этой формы см. [Вреу, 2008].

нению с хорватским языком, в МСЯ отсутствует звательный падеж,¹³ но наряду с четырьмя основными падежами сохранился еще и творительный падеж, как это было видно уже из парадигм в таблице 1.¹⁴

3.1. Формы окончаний единственного числа

Женское склонение существительных с исторической основой на *i в МСЯ полностью исчезло, см. ниже. Поэтому в ед. числе для ж. рода существует только один ряд окончаний, представленный в таблице 2. При этом, если не учитывать просодические чередования (ударение, тон, длительность гласных), основы остаются неизменными.¹⁵

Мужской род в таблице 2 подразделяется на два класса: на основной класс, образовавшийся из исторического склонения основ на *o/*jo*, характерной особенностью которого является нулевое окончание в

¹³ Только в Монтемитро в мужских личных именах сохранились формы звательного падежа на *-e*, хотя окончательно еще не выяснено, являются ли эти формы исконными или же калькой какой-нибудь романской модели. Саммартиньо [Sammartino, 2004: 64] приводит также исконный звательный падеж для основ на **a/ja*, а именно в форме *divojko* существительного *divojka* 'девушка'. Здесь необходимо добавить, что говорящие употребляют эту форму только с экспрессивно-восклицательной оценкой в диалогах, как: «*Ja sa ta vidila krest*». – «*O divojko, misl što govoraš!*» 'Я видела, как ты украла.' – 'О девушка, подумай, что ты говоришь!'

¹⁴ Как и в некоторых других славянских языках и диалектах, напр., в верхне-лужицком языке, творительный в МСЯ потерял функции беспредложного выражения средства действия, т. е. он всегда управляется предлогом, напр., *s maginom* 'на машине ~ машиной ~ с машиной'. У существительных с начальным *-s*, *-z* или *-š*, *-ž* предлог *s* отсутствует во всех функциях вследствие фонологической ассимиляции: (*s*) *špagom* 'бечевкой', (*s*) *sikirom* 'топором', (*s*) *zvezdom* 'с звездой', (*s*) *ženom* 'с женой'.

¹⁵ Большинство падежных форм соответствует формам хорватского языка, с учетом регулярных звуковых изменений в области длительности гласных. Исключение составляет окончание с шепотным *-u* в дат. падеже ед. числа в говоре АК, в сравнении с регулярным отсутствием первоначального краткого *-i* > $\emptyset$ в говоре ММ и его возможным сохранением в СФ (см. выше). По всей видимости, оно происходит из вин. падежа, окончание которого вследствие синкретизма места и направления распространилось сначала на м. падеж, а затем, вследствие уже искомого тождества форм м. и дат. падежей в склонении на **a/ja*, оно было перенесено и на дат. падеж [Врец, 2008: 90–99]. Не исключена также возможность перенесения окончания *-u* мужского рода непосредственно внутри Д. падежа, см. [Rešetar, 1911: 195], что повлекло бы за собой ослабление морфологической оппозиции родов в ед. числе, которая на данный момент наблюдается только у окончания *-a* в им. п. (касательно второстепенного мужского класса). По критерию согласования, оппозиция родов ж.:м. в дат. падеже, впрочем, полностью сохранилась, например, *dobromu didu* (м.) : *dobru ženu* (ж.).

им./вин. падежах ед. числа,¹⁶ и второстепенный класс на шепотный гласный *-a* (в ММ из-за отсутствия аканья: *-o*, *-e*, *-a*). Как представлено ниже, большая часть имен существительных на *-a* в им./вин. падежах принадлежит к бывшему среднему роду. Кроме того, в эту группу входят также и существительные бывшего м. склонения основ на **a/ja*, как *tata* в таблице 2, принявшие в остальных падежах окончания склонения основ на **o/jo*, а также заимствованные слова с группой согласных на конце слова. У всех существительных мужского рода окончания в твор. падеже варьируются между *-om* и *-am* (ММ *-em*).

Табл. 2. Окончания единственного числа существительных в МСЯ

ед. число		И.	Р.	Д.	В.	Т.
	ж.	<i>žena</i> ‘жена’	<i>-e</i>	<i>-и</i>	<i>-и</i>	<i>-ōm</i>
	м. (главное скл.)	<i>did</i> ‘старик’	<i>-a</i>	<i>-и</i>	<i>-∅</i>	<i>-om</i> , <i>-am</i>
	м. (второстеп. скл.)	<i>tata</i> ‘отец’	<i>-a</i>	<i>-и</i>	<i>-a</i>	<i>-om</i> , <i>-am</i>

3.2. Род во множественном числе и наукале

Во мн. числе молизско-славянского языка согласования в роде больше нет. Также и в парадигмах классов склонения во мн. числе наблюдаются скорее лишь остатки соотношения окончания и рода, см. таблицу 3. Так, женский род в им./вин. падежах имеет окончание *-ę* (исторически краткое, и поэтому в Аквавиве сейчас в виде шепотного гласного, но выступающего – наперекор основному фонетическому правилу аканья – у многих носителей языка как *-ę* без снижения к *-a*). Мужской род имеет наряду с тем же самым окончанием, распространившимся в этом случае с вин. на им. падеж, также и окончание *-a* (исторически долгое), образованное, по всей видимости, от исторического окончания среднего рода или от собирательных существительных. При этом, окончание им./вин. м. рода у данного существительного является неизменяемым, способствуя, таким образом, подразделению на два подкласса, независимых, в принципе, от классификации в единственном числе. В род. падеже у существительных ж. рода и у односложных исконных слов любого рода наблюдается свойственное

¹⁶ Поэтому форма им./вин. ед. числа заканчивается в большинстве случаев на согласный. При вокализации первоначального **l* перед слогоразделом (здесь на конце слова) или у заимствованных из итальянского языка слов с ударением на конечном гласном здесь наблюдается усеченная по сравнению с остальными падежами основа на гласный, см. ниже.

склонениям основ на **o/jo* и **a/ja* нулевое окончание ($-ь, ь > \emptyset$), а также дополнительное окончание $-i$ ($< -\bar{i} < -b/jb$), оставшееся от исторического склонения на **i*. Окончания дат. и твор. падежей всегда совпадают. Для ж. рода в этом случае предпочитается старое окончание твор. падежа *-ami*, а для м. рода $-i$, которое, по всей видимости, было перенесено сюда из род. падежа (возможно, подкрепленное старой формой твор. падежа на $-i$). Но окончание $-i$ встречается также очень часто и у ж. рода, в то время как в м. роде, хотя и намного реже, вариативно употребляется окончание *-ami*.¹⁷ Исторические чередования в основе сохранились еще в очень немногочисленных существительных м. рода, например, им. ед. *vuk* ‘волк’, им. мн. *vuka ~ vusa*, род. мн. *vuci*.¹⁸

Табл. 3. Окончания множественного числа существительных в МСЯ

мн. число	И./В.	Р.	Д./Т.
ж.	<i>ženę</i>	$-\emptyset, -i$	<i>-ami, -i</i>
м. (главн.)	<i>dida</i>	$-i, -\emptyset$	$-i, -ami$
м. (второст.)	<i>konje</i> ‘конь’	$-i, -\emptyset$	$-i, -ami$

Числительные 2, 3 и 4 (как в русском и хорватском языках) управляют паукалем (*plurale paucitatis*),¹⁹ который у существительных м.

¹⁷ Род. падеж мн. числа является в МСЯ, как и в других славянских языках, падежом количества (управляемым наречиями количества и числительными от 5), в то время как в беспадежном итальянском языке этой специальной функцией обладает неизменная форма мн. числа. Продуктивность окончания $-i$ в род. падеже и распространение этого окончания на другие падежи мн. числа произошли, по всей вероятности, вследствие его чисто формального совпадения с формой мн. числа существительных м. рода и существительных ж. рода подкласса на $-e$ в итальянском языке. Общей причиной тому могло послужить стремление к одинаковому обозначению мн. числа в обоих контактных языках.

¹⁸ Очень редко в таких случаях встречается оппозиция значений, соответствующая определенным образом итальянской модели чередования родов во множественном числе. Так, существительное *rog* ‘рог’ в МСЯ имеет во мн. числе оппозицию *roze* ‘рога животных’: *roge* ‘рог/острие/зубец предмета’ аналогично итальянскому существительному *cornu* с формами мн. числа *corna* (мн. ж.): *corni* (мн. м.) с теми же значениями.

¹⁹ Зализняк [2002: 46–48] относит паукаль (счетную форму) ко множественному числу, а именно в качестве девятого падежа. Я считаю, что паукаль является такой же граммемой категории числа, как единственное, множественное, двойственное и т. д. Единственная разница состоит в том, что он – зависимая граммема, всегда управляемая числительными. Но он не исключение, так как, напр., двойственное число верхнелужицкого разговорного языка, в противоположность верхнелужицкому литературному, также не является свободным, а всегда управляется числительными *dwaj, dweј* ‘два, две’ и *wobaj, wobeј* ‘оба, обе’ [Scholze, 2008: 135–137].

рода совпадает с род. падежом ед. числа, а у существительных женского рода – с им. падежом мн. числа. В обоих случаях об этом свидетельствуют, по крайней мере, количественные свойства гласных (шепотный или полный), несмотря уже на различия между ед. и мн. числом в отдельных группах существительных в области окончаний или чередований в основе. Различие по родам в паукале поддерживается формами разных родов числительных *dva*, *dvi* ‘два, две’ и *opa-dva*, *opa-dvi* ‘оба, обе’. Прилагательные (как атрибутивные, так и предикативные) употребляются, напротив, в неизменяемой по родам форме им. мн. числа, например, *dva dobre ljudi* ~ *ljudata* ‘два хороших мужчины’ (им. мн. *dobre ljudi*), но *dvi dobre žene* ‘две хорошие женщины’ (род. ед. *dobre žene*).

4. Смена рода у имен существительных

4.1. Переход среднего рода в мужской и женский

Исчезновение среднего рода как родовой граммемы существительных вызвало новое перераспределение существительных между женским и мужским родами. Согласно законам звукового развития, бывший средний род в Аквавиве в им./вин. ед. оканчивается на шепотный гласный *-a*, исторически восходящий к *-e* или *-o* (в ММ они еще сохранились). Эта совпадающая по звучанию с ж. родом исходная форма привела к нестабильной ситуации, последствием которой стал переход некоторых бывших существительных среднего рода в ж., например, *ova zvona* (ж.) ‘этот колокол’; ср. хорв. *ovo zvono* (ср. род).

В таблице 4 во второй колонке представлен полный список бывших существительных среднего рода в МСЯ, перешедших в женский род. В первой колонке даны их современные эквиваленты в хорватском языке, где они средний род сохранили. Сравнение с итальянскими переводами различного рода в третьей колонке показывает, что возможное приравнивание рода к доминирующему языку не сыграло здесь особой роли:²⁰

Впрочем, предложный падеж русского языка тоже не является свободной граммемой, так как он всегда управляется предлогом.

²⁰ Тем самым высказанное в [Muljačić, 1973: 35] мнение – на основе данных диссертации А. Vetta – о том, что род существительных бывшего среднего рода определяется в «stragrande maggioranza dei casi» (в подавляющем большинстве случаев) родом их соответствий в итальянском языке, уже с точки зрения существительных женского рода ставится под вопрос. Также и приведенное там в соответствие с итал. *carne* (ж.) существительное бывшего среднего рода *mesa* (< *meso*) ‘мясо’ в действительности является существительным м. рода (сюда следует отнести и заимство-

Табл. 4. Переход молизско-славянских существительных среднего рода в женский

Хорватский средний род	МСЯ женский род	Итальянский эквивалент	Значение
<i>čelo</i>	<i>čela</i>	<i>fronte</i> ж.	‘лоб’
<i>sedlo</i>	<i>sedla</i>	<i>sella</i> ж.	‘седло’
<i>zdravlje</i>	<i>zdravlja</i>	<i>salute</i> ж.	‘здоровье’
<i>zvono</i>	<i>zvonā</i>	<i>campana</i> ж.	‘колокол’
<i>nebo</i>	<i>neba</i>	<i>cielo</i> м.	‘небо’
<i>srebro</i>	<i>sreba</i>	<i>argento</i> м.	‘серебро’
<i>gnijezdo</i>	<i>njizda</i>	<i>nido</i> м.	‘гнездо’

В случае бывших существительных среднего рода, перешедших вопреки итальянскому образцу в женский (нижняя часть таблицы 4) можно предположить внутриязыковое распределение по концам основ или суффиксам, типичным для женского рода. Это касается, в первую очередь, слов *neba* и *sreba*, представляющих собой единственные существительные бывшего среднего рода на *-ba* (<-*bo*). Они могли присоединиться к существительным женского рода с тем же конечным слогом, к примеру, *baba* ‘старуха’, *riba* ‘рыба’, *žaba* ‘черепаха’ или *roba* ‘вещи’ (← итал. *roba*). Сложнее дело обстоит с *njizda* ‘гнездо’, т. к. есть существительные среднего рода на *-da*, не перешедшие в женский род, ср., например, существительное мужского рода *brda* ‘холм’ (< *brdo* ср.) вопреки итал. *collina* (ж.). В качестве внутриязыковой мотивировки перехода существительного *njizda* в женский род можно предположить аналогию к единственному существительному женского рода на *-zda* – рифмующему с ним существительному *zvizda* ‘звезда’.²¹

Вышеназванные существительные бывшего среднего рода, перешедшие в Аквавиве в женский род, сохранили в Монтемитро конечный гласный исконной формы и перешли исключительно в мужской род: (*ovi*) *čelo*, *sedlo*, *zdravlje*, *zvono*; (*ovi*) *nebo*, *srebro*, *gnijzdo*. Это ясно

ванное существительное м. рода *makra* ‘постное мясо’ ← итал. *magro* ‘нежирный, постный’). Корректировки требует и предположение Решетара [Rešetar, 1911: 188] о том, что все существительные среднего рода (в говоре Аквавивы) по своим синтаксическим признакам перешли в мужской род.

²¹ Интересным с точки зрения языкового контакта является тот факт, что в диалектных вариантах итальянского языка провинции Кампобассо у эквивалентов к *nido* во мн. числе часто встречается окончание *-əɾə-* (из лат. *-ora* ср.), рассматриваемое на сегодняшний момент как окончание женского рода [Giammarco, 1976: 1279]. Это могло бы привести к распространению женского рода и на ед. число.

подчеркивает отсутствие в этом говоре аканья как обязательной предпосылки типичного для Аквавивы развития.

Хорватское существительное *doba* в значении ‘время дня’ перешло во всем МСЯ в женский род, также и в Монтемитро, причиной чему, безусловно, стало исконное окончание *-a*. Существительное *doba* имеет полную парадигму окончаний. Остается неразрешимым, произошла ли смена рода у этого первоначально неизменяемого существительного среднего рода после переселения в Италию или еще на изначальной родине, тем более что *doba* в чакавском диалекте, а также в некоторых значениях в хорватском языке тоже женского рода.

Все остальные существительные среднего рода как в Аквавиве, так и в Монтемитро перешли в мужской род. При этом гласный в окончании им./Вин. ед. числа был отчасти заменен нулевым окончанием, что полностью приравнивало их к парадигме прочих существительных мужского рода. Если в этих случаях исчезновение конечного гласного приводило к скоплению согласных на конце слова, то они по аналогии с соответствующими исконными существительными мужского рода разбивались гласными. Существует целый ряд различных случаев: сохранение гласного окончания в изначальной форме (конечно, с аканьем), как в (4), исчезновение окончания без последующих изменений (5а), исчезновение окончания с последующей вставкой гласного *-a-* в исходной форме (5б) и исчезновение окончания в исходной форме с развитием соответствующих чередований с согласным *-l* в других падежах (5в).²² В скобках представлены формы из говора Монтемитро, где встречается только сохранение окончания (4) или простое его исчезновение (5а):

(4) *brda* (*brdo*) ‘холм’, *grozja* (*grodje*) ‘гроздь винограда’.

(5а) *mor* (*mor*) ‘море’, *jizer* (*izer*) ‘озеро’.

(5б) *sukan* (*sukno*), Р. *sukna* ‘сукно, шерстяная ткань’.

krosan (*krosno*), Р. *krosna* ‘ткацкий станок’.

(5в) *držaj* (*držalo*), Р. *držala* ~ *držaja* ‘палка, стержень’.

sfrda (*svrdlo*), Р. *sfrdla* ‘сверло’.

²² Основная оппозиция между сохранением окончания среднего рода в (4) и его утратой в примерах в пункте (5) является систематическим различием, т. к. в первом случае утрата граммы среднего рода составляет всеобщую основу для смены рода, а во втором первоначально предполагается идиосинкразическая замена отдельных существительных. Это подтверждается тем фактом, что смена рода с одновременным исчезновением окончания временами происходит и в хорватском языке или его диалектах, например, *svrdlo* (ср.) ~ *svrdao* (м.), но смена рода при сохранении окончания происходит исключительно в МСЯ.

Типы (5б) и (5в) в Монтемитро отсутствуют. К тому же чистое исчезновение гласного окончания типа (5а) встречается в Аквавиве намного чаще. Между двумя говорами существуют, например, оппозиции типа *kolin* (АК) : *kolino* (ММ) ‘колено’, *ral* : *ralo* ‘плуг’, *zlat* : *zlato* ‘золото’.²³ Несмотря на то что общее ослабление бывших кратких гласных на конце слова в Аквавиве, вероятно, способствовало появлению исходных форм без окончаний, необходимо все же учесть, что при таком, фонетически обоснованном, факультативном исчезновении конечных гласных – так же, как это на сегодняшний момент происходит в (4), – группы согласных или *-l* на конце слова остаются неизменными, в то время как при полном исчезновении окончания в представленных здесь примерах (5б) и (5в) наблюдается эпентетический гласный или исчезновение конечного *-l*. Речь в этом случае действительно идет о морфологических изменениях, что подтверждается также ситуацией в ММ, см. (5а).

Также обращает на себя внимание тот факт, что более консервативный с точки зрения произношения и морфологической адаптации существительных среднего рода говор Монтемитро заменил в целом ряде случаев существительные бывшего среднего рода заимствованными словами, ср., например, *kaldza* вместо *japan* (АК) ‘известь’, *pašta zamišena* вместо *tist* (АК) ‘тесто’, *dota* вместо *ruha* (АК) ‘приданое’. В этом отношении его можно считать более прогрессивным.

В обоих живых говорах МСЯ у существительных бывшего среднего рода в парадигмах хорошо сохранились чередования в основе, особенно в случае наличия исходной гласной формы, например, *dita* (ММ *dite*), род. *ditata* (*diteta*), им. мн. *dica*, род. мн. *dicov* ‘ребенок’; *jima* (*jime*), род. *jimana* (*jimena*) ‘имя’; *piplja* (*piplje*), род. *pipljata* (*pipljeta*), им. мн. *pipljena* ‘цыпленок’; *tela* (*tele*), род. *telata* (*teleta*), им. мн. *telenja* ‘теленок’; *driv* (*drivo*), род. *drivata* (*driveta*) ‘древесина’. Но чередова-

²³ По подсчету данных из [Brec, Piccoli, 2000] в Аквавиве сохранилось около 70 перешедших в мужской род существительных среднего рода. Примерно одна треть из них потеряла конечный гласный, наряду с вышеназванными или рассматриваемыми ниже случаями сюда относятся: *blag* ‘скот’, *čriv* ‘кишка’, *kljupak* ‘комок’, *korit* ‘корыто’, *sirišt* ‘сычужный фермент’, *tim* (*do glave*) ‘темя, затылок’, *ulišt* ‘улей’. Число этих случаев у молодых носителей языка заметно растет. Иногда даже у пожилых носителей языка, которые обычно всегда произносят в речи шепотный гласный *-a*, можно наблюдать чередование типа *lit* ~ *liṭa* ‘лето’ и *sit* ~ *sita* ‘сито’. Обособленную позицию здесь занимает существительное *godišť* ‘год’, которое сохранило конечный гласный только в своем сокращенном варианте *gošťa* (ММ только *gošte*).

ния такого типа не ограничиваются бывшим средним родом. В особенности в Аквавиве они также часто встречаются у существительных, уже исконно принадлежащих к мужскому роду, например, *ljud*, род. *ljuda ~ ljudata* ‘человек’, *dub*, Р. *duba ~ dubata* ‘дерево’, и у заимствованных слов, например, *ćip*, род. *ćipa ~ ćipata*, им. мн. *ćipenja* ‘ветка хвороста’. С другой стороны, мужское существительное бывшего среднего рода *čeljada* ‘лицо, особа’ (хорв. *čeljade*, род. *čeljadeta*, замененное во мн. числе женским собирательным существительным *čeljad*), стало регулярным: род. ед. *čeljada*, им. мн. *čeljade*.

Необходимо также отметить переход основы мн. числа в ед. у существительных бывшего среднего рода *oč* ‘глаз’ (только АК) и *uš* ‘ухо’ (также ММ). Наряду с ними еще встречаются исконные формы единственного числа, в Аквавиве без гласного в исходной форме, т. е. *ok* (в ММ – всегда *oko*) или *uh* (*uho*).

Особого рассмотрения среди существительных бывшего среднего рода требуют существительные, употребляемые только во мн. числе (*pluralia tantum*). Определение рода здесь, так же как и в других языках, не располагающих во мн. числе согласованием в роде, довольно сложно. Поскольку парадигма мн. числа в МСЯ имеет сильное колебание окончаний во всех родах, чисто морфологическая классификация также не является весьма полезной. Однако у исчисляемых существительных *pluralia tantum* решение можно найти в том факте, что многие носители языка соотносят их с имеющим родовую дифференциацию числительным *dva, dve* ‘два, две’.²⁴ Все относящиеся сюда примеры вследствие их комбинации с мужским числительным *dva* обозначаются как мужские, например, *jasla* ‘кормушка’, *usta* ‘рот’ (ММ *guandže* ← итал. *guancia* ‘щека’), *vrata* ‘дверь’, *Uzma* ‘пасха’ (ср. хорв. *Vazam* м. ед., а чакавск. *Uzma pl. tantum* среднего рода). Но у существительного *drva* ‘дрова’ этот принцип не действует. Бывшее существительное *pl. tantum* среднего или женского рода *prs* (хорв. *prsa* ср. ~ *prsi* ж.) ‘грудь’ стало в обоих говорах обыкновенным существительным мужского рода ед. числа без гласного окончания в им./вин. падежах.

Интересный случай развития в МСЯ представляет собой ставшее несклоняемым существительное *zlo* ‘зло’. С точки зрения согласова-

²⁴ Если речь идет о референтах, состоящих из двух частей, то предпочитается в основном следующий тип счета: *dva para vrat* ‘две пары дверей’. В качестве неопределенного артикля со значением ед. числа (и как число ‘одни’) у существительных *pluralia tantum* используется неизменяемая по родам форма мн. числа *jene* [Брой, 2008: 78].

ния оно присоединилось к мужскому роду: *ovi zlo nije mi proša* ‘это зло у меня не прошло’.²⁵ Несклоняемыми являются также образовавшиеся от существительных среднего рода наречия типа *podne* ‘в полдень’ (так же *prije podne* ‘до обеда’, *dôra podne* ‘после обеда’, *popozuk* ‘за паузой’ (ММ *potpazuk*; ср. хорв. *pazuho* ~ *pazuh* ‘пазуха’).

Выражение *vo-gošta* ‘в этом году’ (ММ *vogošte*) может рассматриваться как пережиток бывшего согласования в среднем роде, если принять во внимание его возможное образование из **ovo godište* ‘этот год’. На сегодняшний момент *godišt* ~ *gošta*, конечно, мужского рода.

4.2. Внутренние перераспределения мужского и женского рода

Существительные, исконно относящиеся к м. или ж. роду, в основном сохранили свою родовую принадлежность. В принципе, возможное при языковом контакте «выравнивание» рода по итальянской модели здесь, как правило, не состоялось. Очевидно, принадлежность к определенной морфологической парадигме, т. е. идентификация рода с определенным классом склонения, выступило в этом случае важным сохраняющим фактором. И все же некоторые исконные слова в условиях языкового контакта изменили свой первоначальный род, например, **prisega* ж. → *priseg* м. ‘клятва, присяга’ (ср. итал. *giuramento* м.), и наоборот: **mrav* м. → *mbrava* ж. ‘муравей’ (ср. итал. *formica* ж.). Произошло даже расщепление лексических значений на основе родовой оппозиции: **zima* ж. → *zim* м. ‘зима’ (ср. итал. *inverno* м.) ≠ *zima* ж. ‘холод’ (вопреки итал. *freddo* м., очевидно, по модели синонимичного *mrzlina* ж.). Говор Монтемитро не принял полного участия в этих процессах, например, *mbrav* ‘муравей’ осталось в нем существительным м. рода.

Роль морфологических парадигм в консервативности родовой принадлежности косвенно подтверждается судьбой исторического склонения женских основ на **i*, препятствовавшего принципу связи между родом и склонением. МСЯ полностью утратил это склонение. До его утраты оно вызывало в МСЯ – как и в других славянских языках – противоречие между относящейся, как правило, к мужскому роду основ-

²⁵ В Монтемитро его бывшее мн. число, *zla*, еще продолжает существовать, но в качестве несклоняемого варианта ед. числа м. рода. В Аквививе эта форма используется только в конструкции *govorat/reč zla* ‘плохо говорить/сказать (о ком-либо)’ и рассматривается здесь как наречие.

ной формой (им. ед.) на согласный и ее согласованием по женскому образцу.²⁶

У бывших существительных с основой на *i были, в принципе, две возможности перераспределения: переход в мужской род (по согласованию и окончанию) с сохранением основной формы на согласный или переход в женский род с добавлением окончания *-a* к исконной форме и присоединением к словоизменительной парадигме основ на **a/ja*.²⁷ Выбор типа перехода зависел в этом случае, в отличие от нового рода существительных бывшего среднего рода (см. выше), от рода соответствующих существительных в контактном языке. Это подтверждают приведенные ниже списки сохранившихся в Аквавиве существительных бывшего женского склонения основ на *i, расположенные в таблице по роду предполагаемых существительных-моделей в итальянском:²⁸ мужскому – в таблице 5, а женскому – в таблице 6. Факт существования представленных в скобках дополнительных итальянских эквивалентов, не совпадающих с новым родом, не повлиял на регулярное перераспределение по образцу первого варианта. Представленные в таблице русские переводы касаются значений в МСЯ и в итальянском. В отношении к хорватскому (БСХ) в этих языках произошли некоторые смещения.²⁹

²⁶ Дополнительной причиной ослабления склонения женских основ на *i в МСЯ послужило масштабное вытеснение исконных абстрактных существительных заимствованными словами, следствием чего стала полная утрата абстрактного суффикса *-ost-*, поддерживающего это склонение в других славянских языках, ср. хорв. *mladost* : МСЯ *džuvindu* ‘молодость, юность’ (← итал. *gioventù*).

²⁷ Зачаточные стадии сокращения у склонения основ на *i видны и в других славянских языках. Так, в близкородственном с генетической точки зрения хорватском языке и его диалектах мы находим случаи частичного или полного перехода существительных бывшего женского рода из склонения основ на *i в склонение основ на **a/ja*, например, *žed* ~ *žeda* ‘жажда’, МСЯ *žedža*. Другим процессом развития является частичная замена отдельных окончаний окончаниями из склонения основ на **a/ja*, например, в украинском языке в род. и дат./предл. ед. ч. с окончанием *-i* (< *ě).

²⁸ Точнее говоря, в его моллизском диалекте, так как эти изменения довольно старые, произошедшие уже до исследований Решетара [Rešetar, 1911], если сделать вывод из рассмотрения небольшой части существительных в следующих таблицах, представленных также в его книге.

²⁹ Некоторые из следующих существительных даже в хорв. языке, по меньшей мере, вариативно или регионально относятся к мужскому роду, например, *bol* м./ж., *nit* м./ж., не говоря уже о всеобщем переходе таких существительных как *miš* м. (БСХ, МСЯ), ср. *мышь* ж. (в русском и других славянских языках). Это никак не противоречит факту, что полное и безысключительное приведение в соответствие

Табл. 5. Переход бывших женских существительных с основой на *i в мужской род

Хорватский (ж. *i)	МСЯ м. (*o/jo)	Итальянский эквивалент = мужской	Значение
<i>kost</i>	<i>kost</i>	<i>osso</i>	‘кость’
<i>krv</i>	<i>krv</i>	<i>sangue</i>	‘кровь’
<i>mast</i>	<i>mast</i>	<i>lardo</i>	‘жировая прослойка’
<i>nečist</i>	<i>nečist</i>	<i>sporco (sporcizia ж.)</i>	‘мусор, грязь’
<i>nit</i>	<i>nit</i>	<i>spago</i>	‘нить’
<i>pamet</i>	<i>pamet</i>	<i>senno, giudizio</i>	‘разум, рассудок’
<i>peć</i>	<i>peć</i>	<i>forno</i>	‘печь’
<i>ravan</i>	<i>ravan</i>	<i>piano (pianura ж.)</i>	‘равнина, плоскость’
<i>sol</i>	<i>so</i>	<i>sale</i>	‘соль’
<i>vlas</i>	<i>vlas</i>	<i>capello</i>	‘волос’
<i>žuć</i>	<i>žuć</i>	<i>fiele (cistifellea ж.)</i>	‘желчь, желчный пузырь’
<i>zvijer</i>	<i>zvirā*</i>	<i>animale selvatico (fiera ж.)</i>	‘зверь’

* Существительное *zvirā* имеет форму И./В. ед. бывшего ср. рода. Тем не менее, кажется невероятным, что это существительное сначала перешло в ср. род, который к моменту утраты склонения типа *i, возможно, еще существовал. Такие формы доказывают скорее, что бывшая парадигма ср. рода здесь, как и у бывших исконных существительных ср. р. воспринимается как обычная мужская парадигма. То обстоятельство, что именно это слово при смене рода получило исходную форму на гласный, объясняется, по всей видимости, проведением аналогии к другим названиям животных, например, к *telā* м. ‘теленок’, *nimaldža* м. ‘животное’.

Табл. 6. Переход бывших женских существительных с основой на *i в склонение *a/a

Хорватский (ж. *i)	МСЯ ж. (*a/a)	Итальянский эквивалент = женский	Значение
<i>bol</i>	<i>bolā</i>	<i>bua</i>	‘боль’ (детск. язык)
<i>cijev</i>	<i>civa</i>	<i>spola</i>	‘катушка, шпуля’
<i>kokoš</i>	<i>kokoša</i>	<i>gallina</i>	‘курица’

рода и типа склонения было вызвано влиянием языкового контакта на новой родине. Об отдалении от отношений в хорватском языке свидетельствует, к примеру, наличие в МСЯ только женского рода у существительного *bolā*, как у итал. *bua* (детский язык). Этому не противоречат также существительные, которые в хорв. вариантивно, в некоторых диалектах или в книжном языке, перешли в склонение основ на *a/a: *bol(a)*, *kokoš(a)*, *laž(a)*, *kći ~ kćer(a)*, *žeđ(a)*.

Окончание

Хорватский (ж. *i)	МСЯ ж. (*a/ja)	Итальянский эквивалент = женский	Значение
<i>laž</i>	<i>laža*</i>	<i>bugia</i>	‘ложь’
<i>mati</i>	<i>mat**</i>	<i>madre</i>	‘мать’
<i>noć</i>	<i>noča</i>	<i>notte</i>	‘ночь’
<i>pregršt</i>	<i>pregništa</i>	<i>giumella</i>	‘две горсти, жмени’
<i>riječ</i>	<i>riča</i>	<i>parola</i>	‘слово’
<i>smrt</i>	<i>smrtva</i>	<i>morte</i>	‘смерть’
<i>stvar</i>	<i>stvara</i>	<i>cosa</i>	‘вещь’
<i>kći</i>	<i>ščera</i>	<i>sorella</i>	‘сестра’
<i>večer</i>	<i>večara</i>	<i>sera</i>	‘вечер’
<i>žed</i>	<i>žedža</i>	<i>sete</i>	‘жажда’

* В устойчивом выражении *govorat/reč laž* ‘говорить/сказать ложь = (со)лгать’ сохранилась первоначальная форма. Она не склоняется и воспринимается как наречие.

** У существительного *mat*, Р. *mat(a)re*, еще сохранилось историческое чередование в основе, а также И. ед. без окончания, но в остальном его флексии соответствуют – как и в современном хорватском языке – склонению основ на **a/ja*.

Исключением из общего правила регуляризации существительных с основой на **i* по аналогии с родом в доминирующем языке является существительное *glad* ‘голод’, соответствующее итал. существительному ж. рода *fame*. Но здесь необходимо учесть два факта: факультативная форма м. рода существует также и в хорватском литературном языке, и мужской род этого слова является в прибрежных регионах Далматии – как и вообще в славянских языках – даже единственной возможностью, ср., напр., чакавское существительное *glôd* [Hraste, 1979]. К тому же наличие только м. рода у существительного *glad* в штокавско-икавском словаре Вольтиджи [Volliggi, 1802] говорит о его присутствии на миграционной территории МСЯ в древности. Так, можно допустить, что это существительное уже ко времени переселения молизских славян не относилось к склонению на **i*.

В большинстве случаев существительные с основой на **i* в Монтемиро ведут себя так же, как это представлено в списках для Аквивавы. Однако выпадают из представленной таблицы 5 *nit*, *ravan* и *zvira*, т. к. они были заменены другими словами (*lič*, *ravnica*, *nima*). Различия наблюдаются у *vlasa* (ж. вместо *vlas* АК) в табл. 5 и у существительного *laž* (м. вместо *laža* АК), а также *pregušto* (м. вместо *pregništa* АК) в

табл. 6. Речь здесь идет либо о самостоятельных развитиях на пути к утрате склонения на *i, либо регуляция рода произошла по образцу отличных от представленных выше итальянских эквивалентов. В любом случае различие родов в обоих молизско-славянских говорах заслуживает пристального внимания.

5. Род заимствованных слов

Род заимствованного существительного определяется обычно родом этого существительного в языке-источнике. Существительные с безударным концом слова, как правило, без особых трудностей присоединяются к стандартной парадигме мужского рода (им./вин. на согласный) или соответственно к парадигме женского рода (им. на *-a*). Это распределение не зависит от окончания слова в итальянском языке: существительные мужского рода с безударными *-o* или *-e* на конце теряют этот гласный, в то время как существительные женского рода на *-a* или *-e* заменяют его на *-a*, напр., *quadro* м. → *kvadr* ‘картина’, *ospite* м. → *ospit* ‘гость’, *piccione* м. → *pičun* ‘голубь’ или *cipolla* ж. → *čipula* ‘лук’, *birra* ж. → *birā* ‘пиво’, *processione* ж. → *prčasijuna* ‘процессия’. Также и итальянские заимствования м. рода на *-a* образуют им./вин. падеж без окончания, напр., *problema* м. → *pròblèm* ‘проблема’, *pianeta* м. → *pjanet* ‘планета’, *statista* м. → *štatišt* ‘государственный деятель’. Тем не менее заимствованные существительные можно также найти и в мужском дополнительном классе с им./вин. на *-a*, что объясняется попыткой избежания определенных групп согласных на конце слова, например, *barile* м. → *barlā* ‘бочка’.³⁰

Во мн. числе существительные м. рода имеют в им./вин. пад. наряду с главной формой *-a* при наличии определенных суффиксов (например, итал. *-one* → *-un*) окончание *-e* дополнительного класса, ср. *kvadra*, *ospita*, но *pičune*. У существительных женского рода это, конечно, единственно возможное окончание им./вин. мн., напр., *bire*, *prčasijune*. В остальных падежах в том и другом роде преобладает окончание *-i*, чередование с другими окончаниями является скорее редкостью. Такое

³⁰ В Монтемитро существует еще другой тип заимствований мужского рода. Речь здесь идет о заимствованиях с сохранением итальянского окончания *-o* в им./вин. ед., напр., итал. *gallo* м. ‘петух’ → *galo* (АК *pivac*), итал. *largo* ‘простор’ → *largo* ‘поле’ (АК *njiva*). Сохранение безударного окончания *-o* здесь – как у бывших существительных среднего рода – вызвано отсутствием аканья в этом говоре.

сильное преобладание окончания *-i* у заимствованных слов подтверждает высказанную выше мысль о поддержке этого окончания неизменной формой мн. числа у большинства существительных в итальянском языке, имеющей такое же звучание.

По аналогии с заданным образцом в исконной лексике у заимствованных существительных мужского рода также наблюдаются чередования между им./вин. ед. числа без окончания и остальными формами парадигмы. Например, процесс вокализации *l* на конце слова в древних стадиях сербохорватских (БСХ) языков обнаруживается в форме чередования *-a/-al* в примерах типа итал. *ospedale* м. → *spida*, род. *spidala* ‘больница’, а также чередованием *-j/-l* в примере *bacile* м. → *bačij*, род. *bačilā* ‘миска, таз’. В принципе, моделью здесь могли послужить исконные чередования типа *kota* ‘котел’ : род. *kotla*, *vo* ‘вол’ : род. *volā* или *držaj* ‘палка, стержень’ : род. *držaja* ~ *držala*. Но следует учесть тот факт, что конкретное чередование *-a/-al* проявляется только у заимствованных существительных.³¹ В этой сфере оно даже распространилось на заимствования, имеющие на конце не *-l*, а гласный под ударением, например, итал. *caffè* м. → *kafě*, род. *kafěla* ‘кофе’, *papà* м. → *papa*, род. *papala* ‘папа’, но только в говоре Аквавивы; ср. соответствующие формы *kafe*, род. *kafeja* и *papa*, *P. papaja* в Монтемитро.

В некоторых случаях род заимствований не совпадает с родом соответствующих итал. существительных, напр., *aeroplano* м. → *rivoplana* ж. ‘самолет’, *calcio* м. → *kaldžā* ж. ‘пинок’. Причины этому могут быть разные. Например, на род существительного *rivoplana* могло повлиять его отнесение к *magina* ж. ‘машина’, так же как и у синонима *parekja* ‘самолет’ ж. (← итал. *apparecchio* м. ‘прибор’). Иногда речь идет только о мнимом разногласии, т. к. различие родов является уже внутрироманским, и слово в этом случае было заимствовано не из литературного языка, а из молизского диалекта. Однако на данный момент исследования остаются еще до конца не выясненные случаи. Прежде всего это касается заимствованных слов, род которых различается в говорах Аквавивы и Монтемитро, как в примерах: итал. *crivello* м. → *kurvalā* ж. (АК) ‘сито для зерна’ ≠ *kurveja* м., род. *kurvela* (ММ), итал. *catomilla* ж. → *katomila* ж. (АК) ‘ромашка’ ≠ *kambumil* м. (ММ).

³¹ Однако это чередование свойственно исконным глаголам, например, *je pisa* м. : *je pisa(a)* ж. ‘тисал(а)’, наряду с чередованием *-a/-l*, как напр., *je reka* м. : *je rekla* ‘сказал(а)’; ср. хорв. *pisao je* : *pisala je*, *rekao je* : *rekla je*.

Особенным случаем является смена рода у существительных женского рода, имеющих в итальянском языке ударение на конце слова. Они переходят, как правило, в мужской род, т. к. только он в форме парадигм с чередованием согласного *l* обладает образцом для склонения существительных на полный гласный: *carità* ж. → *karita* м., род. *karitala* ‘милостыня’ или *qualità* ж. → *gvalita* м., род. *gvalitala* ‘качество’. Заимствования, не принявшие участие в такой, обусловленной морфонологией, интеграции, сохраняют обычно свой ж. род и становятся неизменяемыми, *gioventù* ж. → *džuvindu* ж. ‘молодость, юность’. Говор Монтемитро располагает, по всей видимости, из двух возможностей только последней, ср. *qualità* ж. → *gualita* ж. (неизменяемое).

6. Тип рода и языковой контакт

Подытоживая, можно сказать, что описанная в пункте 2.2 тенденция славянских языков к тесному сочетанию рода и типа склонения существительных – в МСЯ вследствие утраты среднего рода и склонения женских основ на **i* – почти полностью осуществлена. Не принимая во внимание два варианта окончаний в им./вин. ед. и чередования в основе некоторых существительных мужского рода, в ед. числе здесь можно действительно говорить о «родовой флексии». Во мн. числе ввиду многочисленных вариаций она представлена только частично, а именно в типичных парадигмах с окончаниями им./вин. мн. м. *-a* ≠ им./вин. мн. ж. *-e* (но с единым окончанием *-i* во всех остальных падежах). Яснее всего такая «родовая флексия» выражена у заимствований. Главной причиной все еще существующих вариаций и идиосинкразий во мн. числе является, несомненно, тот факт, что согласования по роду здесь больше нет.

Хотя тенденция к родовой флексии различима также и в других славянских языках, необходимо указать на то, что неуклонная реализация этого процесса в МСЯ, по всей видимости, была возможна только благодаря ситуации языкового контакта, в которой он находится. Наряду с реформированием отдельных существительных, в особенности при замене рода у бывших существительных женского рода с основой на **i*, это отчетливо наблюдается прежде всего в исчезновении среднего рода у существительных. Нет сомнения, что причину утраты среднего рода как класса согласования у исконных существительных в МСЯ

можно найти в господствующем итальянском языке и в находящемся в непосредственной близости диалекте Нижнего Молизе, которые имеют только мужской и женский род.

Не принимая во внимание специфические для каждого отдельного языка особенности, можно попытаться установить различие между «романским» и «славянским» типом рода. При этом утрату среднего рода и сохранение родового различия во мн. числе следует рассматривать как диахронические константы романских языков, а сохранение среднего рода, развитие дополнительных различий в сфере одушевленности и тенденцию к утрате состоявшейся ранее родовой дифференциации во мн. числе – как диахронические константы славянских языков.³² Полная утрата среднего рода как родовой граммемы существительных, с одной стороны, и постепенная ликвидация грамматического различия в области одушевленности, с другой – свидетельствуют о том, что МСЯ в основных своих чертах теперь может быть причислен к «романскому» родовому типу, несомненно, по причине многовекового контакта с романскими языковыми системами. Со «славянским» типом МСЯ, по всей видимости, еще совпадает только в одном пункте, а именно в утрате родовой дифференциации во мн. числе. Однако как раз близкородственный хорватский, в отличие от болгарского / македонского и севернославянских языков, этот шаг не совершил. Таким образом, можно предположить, что эта утрата также была вызвана языковым контактом. При этом надо учесть, что сохранившиеся мужской и женский рода в согласующихся частях речи (местоимениях, прилагательных) в иммиграционный период – так же как и в современном хорватском языке – различались только в им. падеже. Поэтому утрата родового различия во мн. числе в МСЯ может рассматриваться

³² В качестве индивидуальной языковой особенности, не противоречащей универсальному романскому типу, можно рассматривать *ambigena* румынского языка как третий род, хотя именно в этом случае нельзя исключать, что латинские реликты, которые отчасти встречаются также еще в итальянских существительных обоих родов типа *paio* 'пара' (ед. м.) ≠ *paia* (мн. ж.), *uovo* 'яйцо' (ед. м.) ≠ *uova* (мн. ж.), сохранили и расширили здесь свое использование вследствие влияния славянского среднего рода во время тесного языкового контакта. Наличие «среднего» рода у вещественных существительных в некоторых диалектах Средней Италии также является нетипичным остаточным явлением; см. ниже. Среди славянских языков сохранение исконной родовой оппозиции м. : ж. : ср. во мн. числе в сербском/хорватском, словенском и частично (м. : ж. : ср.) чешском литературных языках отличается от общего типа. Но и здесь уже заметны тенденции к редукции системы; ср. «resolution rules» [Corbett, 1991: 280–283].

как случайное побочное явление в процессе общей замены именительного падежа мн. числа винительным, а не как намеренное удерживание славянской константы развития.

Вышеустановленное сохранение молизско-славянского среднего рода как источника согласования за пределами области существительных не противоречит допущению перехода в «романский» тип рода. Здесь как раз наоборот, истоки дальнейшего существования среднего рода в сфере местоимений также можно искать в языковом контакте, ибо в противовес существительным именно в этой области в итальянском языке мы находим указательные местоимения среднего рода, отличные от местоимений мужского и женского родов, см. подробнее [Breu, 2003: 67–71].

В итальянском стандарте существует, например, безличное *ciò* ‘это’, а также различие между *questi* (мужское лицо) : *questo* (ср. / м.) : *questa* (ж.) ‘этот, это/этот, эта’ и т. д. Во многих средне и южноитальянских диалектах дифференциация форм мужского, среднего и женского рода происходит как у указательных местоимений, например, в неаполитанском *chéstə* (ср.) : *chistə* (м.) : *chésta* (ж.); см. [Rohlf's, 1968: 207], так и у определенного артикля, напр., *lo* (ср.) : *lu* (м.) : *la* (ж.).

Также и в случае столь распространенных в МСЯ субстантиваций типа *ono lipo* ‘(то) красивое’ надо подразумевать языковой контакт, т. к. их формы и функции для славянских языков настолько не свойственны, что их появление из исконной славянской сферы практически исключено. С другой стороны, субстантивации во многих средне- и южноитальянских диалектах представляют собой важную область пополнения для среднего рода, который в них еще существует,³³ хотя на тот факт даже со стороны романистики обращается скорее незначительное внимание. Но, по меньшей мере, в [Grassi et al., 1997: 121] приводятся оппозиции типа *lə 'werdə* (ср.) ‘(то) зеленое’ : *lə 'werdə* (м.) ‘(тот) зеленый (платок)’ или *lo bruttu* (ср.) ‘(то) некрасивое, некрасивость’ : *lu bruttu* (м.) ‘(тот) некрасивый (мужчина)’. Значения этих субстантиваций явно соответствуют известным из МСЯ абстрактным прилагательным среднего рода. Ср. [Giammarco, 1979: 128], который в этой связи говорит о «*concetto 'astratto*’ (‘абстрактный концепт»)».

³³ Эти диалекты являются, как известно, не единственными на романской территории, ср., к примеру, рассмотрение субстантивированных прилагательных как форм среднего рода с собственным артиклем *lo* (м. *el*, ж. *la*) в испанском языке.

Ввиду отсутствия в МСЯ (непроизводных) существительных среднего рода в теории контактов наше внимание привлекает тот факт, что существительные третьего рода все еще существуют в некоторых итальянских диалектах. Семантически они близки субстантивациям, поскольку они являются исключительно вещественными существительными, которые тоже не индивидуальны, например, выражения для обозначений 'молоко', 'соль', 'дым', отчасти в прямом противопоставлении к таким индивидуальным существительным, как *lu panə* 'буханка хлеба' (м.) и *lo panə* 'хлеб' (веществ., ср.); см. [Rohlf, 1968: 109]. Речь здесь, по всей вероятности, идет о единой мотивированной, с точки зрения содержания, категории.³⁴

В этой связи возникает вопрос, почему МСЯ не сохранил тем же образом и существительные среднего рода с вещественным значением или не образовал новые существительные этого типа. Ответ на этот вопрос надо искать в формальном способе выражения среднего рода в соответствующих контактных языковых системах. Необходимо отметить, что существительные среднего рода в них не влияют на предикативное или атрибутивное согласование с прилагательными или глаголами. Формально их можно распознать зачастую только при помощи особого определенного артикля, к примеру, (*l*)o, *lə* вместо мужского (*l*)u, *lə*. К другим возможным отличительным признакам среднего рода в средне- и южноитальянских диалектах относятся отсутствие метафории (здесь в противовес мужскому роду) или *radoppiamento sintattico* (удвоение инициальных согласных); см. [Rohlf, 1968: 108–110]. Чтобы скопировать эту формальную модель, в наличии не было структурных эквивалентов. Ведь в МСЯ у существительных нет явного определенного артикля, а упомянутые звуковые правила ему абсолютно чужды. Таким образом, в МСЯ у исконных существительных, по всей вероятности, тоже произошла бы соответствующая реорганизация родовой системы, если бы модель контактных языков была для молизских славян очевидна и воспроизводима.

³⁴ Хазе [Haase, 1999: 89–91] выводит оппозицию мужской : средний в среднеитальянском из представленного у местоимений в латинском языке различия между «индивидуумом» и «массой», которое с помощью развившегося из указательного местоимения артикля было перенесено на существительные, где оно закрепилось и расширилось. Об объеме, значении и происхождении среднего рода в диалектах граничащего с Молизе региона Абрुццо см. [Giammarco, 1979: 124–130].

В отличие от этого, итальянские литературные и диалектальные субстантивации прилагательных и других частей речи имели кое-что, что для двуязычных славянских переселенцев представлялось очевидным и непосредственно воспроизводимым. Речь идет о типичном для итальянского языка и его диалектов подкреплении субстантивированных прилагательных указательным местоимением в функции определенного артикля. В случае самостоятельных, т. е. неэллиптических, субстантиваций используются местоимения среднего рода. Это можно было без проблем сконструировать по образцу, а именно при помощи славянских указательных местоимений среднего рода.

Побочным эффектом этого стало сохранение среднего рода и у других частей речи как следствия (исконно славянского) согласования, отсутствующего в этом роде в итальянском языке, а именно: между субстантивациями, глаголами и предикативными прилагательными. Принципиальное сохранение глагольных форм среднего рода в этой вызванной влиянием контакта частной области способствовало их сохранению также и в исконных функциональных областях безличности, например, у глаголов, обозначающих погодные условия; тем более что модели для их замены другим родом в романских языках наготове не было.³⁵ Тенденция к развитию безличной диатезы, как в приведенном выше примере (3г) *je bi rivala* 'пришло' в значении времени, указывает на то, что средний род в этом случае приобрел даже новую продуктивность. Прямых итальянских соответствий здесь нет, и поэтому данная конструкция может быть передана только при помощи «безличного» пассива с возвратным местоимением *si*, здесь *si era arrivati*, который, однако, как это свойственно такому типу конструкций, подразумевает личный смысловой субъект.

В общем и целом подтверждается тот факт, что заимствование лексических и грамматических концептов в языковом контакте не фиксируется на конкретных формах контактного языка, а осуществляется с помощью собственных средств в случае наличия структурных соответствий. Если их нет, как в случае отсутствия особого определенного артикля, который мог бы выделить вещественные существитель-

---

³⁵ Связь с использованием личного местоимения среднего рода *gli* у глаголов, обозначающих погодные условия (*gli è piovuto* 'шел дождь'), или в смысле безличного немецкого субъекта *es*, как он представлен в древнеитальянском и еще сегодня встречается в северных диалектах [Rohlf: 1968, 144], кажется скорее сомнительной, но полностью ее исключать нельзя.

ные на фоне остальных, модель главенствующего языка не может быть скопирована. С другой стороны, на основании структур перенимающего языка приравнивание может выйти даже за пределы данной модели.

Перечисленные случаи достаточно отчетливо показывают, что МСЯ на базе исконных славянских форм склонения с помощью сокращения и реорганизации, которые берут свое начало в языковом контакте, развил собственный в морфологическом и синтаксическом отношении тип среднего рода. С точки зрения содержания он специализируется на безличности и вещественности, что, вероятно, можно обобщить как «категорию неиндивидуальности». МСЯ является в этом отношении уникальным среди всех славянских языков. Однако при оценке этого развития нельзя забывать о том, что средний род, выступающий по своему исконному характеру как род, не подкрепленный категорией пола, является в своей самобытной сущности «неиндивидуативным». Все же тот особый путь, который избрал МСЯ, можно понять только на фоне модели романских языков, оказавших влияние на славянскую основу.

Проблема аргументации с помощью контактных языков проявляется в том, что – как уже указывалось выше – в современном диалекте Нижнего Молизе вблизи Адриатического моря, расположенного непосредственно в окрестности Аквавивы, не наблюдается никаких признаков среднего рода ни у субстантиваций, ни у местоимений или вещественных существительных [Vgeu, 2003: 70–71]. Это его объединяет с другими расположенными вблизи побережья диалектами [Giammarco, 1979: 131]. Наипростейшее решение этой проблемы ввиду неоспоримых обстоятельств в пользу объяснения с помощью контактных языков заключается в предположении, что потеря среднего рода в расположенных вблизи побережья областях произошла относительно недавно. Но, с другой стороны, средний род мог бы являться доказательством не принятого до этого момента во внимание факта внешней истории МСЯ. Если идеальным истоком развития являются более северные среднеитальянские диалекты, удаленные от моря, то это значит, что первичный славянско-итальянский контакт, по всей вероятности, произошел именно там, а не в Нижнем Молизе. Точнее говоря, можно предположить, что современный МСЯ после иммиграции славянского населения в Италию через лежащие севернее адриатические гавани, как Анкона или Ортона, развился в своих основных чер-

тах во внутренней части региона Абруццо, и передвижение населения к побережью Молизе произошло значительно позже. Для обоснования этой гипотезы необходимы, конечно, дальнейшие признаки из области грамматики и лексики МСЯ, различающие итальянские диалекты, о которых идет речь.

Литература

Брой В. (2008). Развитие систем артиклей при полном контакте славянских меньшинств с немецким и итальянским языками // *S. Kempgen, K. Gutschmidt, U. Jekutsch, L. Udolph* (Hrsg.). *Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongress Ohrid 2008*. München: Sagner, 75–88.

Зализняк А. А. (1964). К вопросу о грамматических категориях рода и одушевленности в современном русском языке // *Вопросы языкознания* № 4, 25–40.

Зализняк А. А. (2002). «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по русскому языку и общему языкознанию. Москва: Языки славянских культур.

Breu W. (1988). Die grammatische Belebtheit als Genusgrammem // *P. Rehder, V. Setschkareff, H. Schmid* (Hrsg.), *Ars Philologica Slavica. Festschrift für Heinrich Kunstmann*. München: Sagner, 43–55.

Breu W. (1995). Aspekte der Deklination des Substantivs im Moliseslavischen // *D. Weiss* (Hrsg.), *Slavistische Linguistik 1994*. München: Sagner, 65–96.

Breu W. (1997). Italienisch – Kroatisch // *H. Goebel, P.H. Nelde, Z. Stary, W. Wölck* (Hrsg.), *Kontaktlinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. Bd. 2. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1362–1366.

Breu W. (1998). Romanisches Adstrat im Moliseslavischen // *Die Welt der Slaven* XLIII, 339–354.

Breu W. (1999). Phonologie und Verbkonjugation im Moliseslavischen // *R. Rathmayr, W. Weitlaner* (Hrsg.), *Slavistische Linguistik 1998*. München: Sagner, 47–76.

Breu W. (2003). Impersonales Neutrum im Moliseslavischen // *S. Kempgen, U. Schweier, T. Berger* (Hrsg.), *Rusistika · Slavistika · Lingvistika. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag*. München: Sagner, 57–71.

Breu W. (2004). Die Genuskategorie im Moliseslavischen // *M. Okuka, U. Schweier* (Hrsg.), *Germano-Slavistische Beiträge. Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburtstag*. München: Sagner, 29–43.

Breu W. (2008). Der slavische Lokativ im Sprachkontakt. Ein Beitrag zur Binnendifferenzierung des Moliseslavischen // *P. Kosta, W. Weiss* (Hrsg.), *Slavistische Linguistik 2006/2007*. München: Sagner, 59–102.

Breu W. (2009). Situationsgeflechte. Zum Ausdruck der Taxis im Molise-slavischen // *T. Berger, M. Giger, I. Mendoza, S. Kurt* (Hrsg.), Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern – Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache: Festschrift für Daniel Weiss zum 60. Geburtstag. München: Sagner, 83–108.

Breu W., Gliosca N. (2009). *Mali Kraljič – s dizenjami do autora. Na-našu, Slavomolisano, Molise Slavic: Antoine de Saint-Exupéry, Le Petit Prince.* Paris: Gallimard, 1946). Neckarsteinach: Edition Tintenfaß.

Breu W., Piccoli G. (2000). *Dizionario croato-molisano di Acquaviva Collecroce. Dizionario, registri, grammatica, testi (con la collaborazione di S. Marčec).* Campobasso.

Corbett G. G. (1991). *Gender.* Cambridge: Cambridge University Press.

Giammarco E. (1976). *Dizionario Abruzzese e Molisano. Vol. 3.* Roma: Edizioni dell'Ateneo.

Giammarco E. (1979). *Abruzzo. Profilo dei dialetti italiani 13.* Pisa: Pacini.

Grassi C., Sobrero A. A., Telmon T. (1997). *Fondamenti di dialettologia italiana.* Roma: Laterza.

Haase M. (1999). *Dialektodynamik in Mittelitalien. Sprachveränderungsprozesse im umbrischen Apenninenraum.* Tübingen: Stauffenburg.

Hraste M. et al. (Hrsg.) (1979). *Čakavisch-deutsches Lexikon. Teil I.* Wien: Böhlau.

Janaš P. (1984). *Niedersorbische Grammatik für den Schulgebrauch.* Bautzen: Domowina.

Sammartino A. (2004). *Grammatica della lingua croatomolisana.* Montemitro/Zagreb: Profil.

Scholze L. (2008). *Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache im Sprachkontakt. Mit Grammatiktafeln im Anhang.* Bautzen: Domowina.

Voltiggi J. (1802). *Ricsoslovník illiriskoga, italianskoga i nimackskoga jezika.* Wien: Kurtzbeck.